

рией: после стихийного бедствия, „трясения“, разрушения города остается живое существо — младенец Михаил, которому суждено стать царем в великой области.

В объяснении публицистами XVII века „Смуты“ как наказания за грехи людей, но грехи не против религиозной морали, а гражданские, отразился новый взгляд людей XVII века на историю общества. В их понимании исторических событий всё меньшая роль отводилась божественному предопределению и всё большая — деятельности самих людей. Здесь сказалося осмысление тех событий, которые происходили перед глазами, — занятие престола выбранным „всею землей“ царем, активное участие народных масс в событиях.¹ Автор „Повести о двух посольствах“ разделяет взгляд публицистов XVII века на причину событий. Предсказанное Русской земле „смятение“ произойдет оттого, что „многие власти, а несогласны“; в таком решении вопроса нет даже намека на божью волю. „Несогласие властей“ — это политическая слабость центральной власти. Так понимали кризис центральной власти передовые слои русского общества.

Публицистические произведения первого двадцатилетия XVII века на ином историческом материале обсуждают вопросы, аналогичные тем, которые затрагивает и „Повесть о двух посольствах“: причины и следствия „Смуты“, обоснование законности вступления на престол нового царя, борьба с внешними врагами. Таким образом, по своей тематике, „Повесть“ идет в русле современной ей публицистики. Однако самый жанр „Повести“ — легендарно-политического произведения резко отличен от современных ей жанров „сказаний“, „плачей“, „подметных писем“, „видений“. Отличие это объясняется прежде всего литературной средой, где создана „Повесть“. Практическая деятельность в Посольском приказе вырабатывала особые навыки, которые и сказывались на литературном труде; создавались своеобразные жанры, формально связанные с документами дипломатического делопроизводства.

Из литературных явлений, бытовавших и обсуждавшихся в среде Посольского приказа, несомненно отразились в „Повести о двух посольствах“ „Сказание о князьях владимирских“² с его легендарной родословной русских царей от Августа-кесаря, принятый официальной литературой сюжет о присылке царских регалий из „Сказания о Вавилоне граде“ и отголоски теории Москва — третий Рим,³ из которой в „Повесть“ проник только вывод — о праве русского царя владеть Царьградом.

Наличие элементов официальной государственной теории, использовавшейся в дипломатической практике, в таком неофициальном в целом произведении, как „Повесть о двух посольствах“, подтверждает зависимость ее автора от среды Посольского приказа. Знакомство автора „Повести о двух посольствах“ с произведениями Пересветова также, возможно, объясняется тем, что они хранились в казне Посольского приказа. Однако использование им пересветовских произведений связано уже с более глубокими причинами.

¹ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 115—116.

² Р. П. Питолина. К вопросу об официальных политических идеях русского централизованного государства (Сказание о князьях Владимирских). Автореф. диссерт. на соискание ученой степени канд. истор. наук. Л., 1953.

³ Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в пековской литературе. Труды ОДРА, т. VIII, М.—А., 1950, стр. 187.